

— Вторая тётя, я поеду в уезд — сдам сегодняшней улов, заодно куплю для Сяо Цзая пару доз лекарств. Вам надо что-нибудь привезти?

Чжун Чунься уже давно вернулась на лодку и успела пересказать шумную сцену у семьи Фэн всем близким сдружившимся с ней жёнам и герам с соседних лодок, причём с живописными подробностями. Лишь после этого Чжун Мин неторопливо объявился.

Сидевший у неё на коленях Чжун Хань как раз веселился, но, услышав, что снова придётся пить лекарство, моментально сдулся, его весёлое личико сморщилось. Чжун Мин, глядя на это, невольно рассмеялся, стал его уговаривать:

— Будь умничкой, выпьешь лекарство — старший брат купит тебе конфет из мушмулы.

Гер из семьи Сюй, хорошо знакомый с Чжун Чунься, стоял рядом и с улыбкой заметил:

— Сяо Цзай и впрямь счастливчик. У него и брат такой заботливый, и тётя такая добрая. У нас, у детей с лодок, кто болеет — редко кому везёт попасть в уезд к врачу, в основном что соберут в горах, то и пьют.

Визит в уезд к доктору без пары лян серебра не обходится. А чтобы их достать, сколько сетей надо закинуть в море? Потому-то в деревне и завидуют Чжун Мину: зарабатывать умеет. Правда, и тратит тоже: Чжун Хань часто болеет — всё равно что дырявый мешок, наполняешь, а всё утекает.

— Он у меня один младший брат, — сказал Чжун Мин, — считайте, что деньги трачу, чтобы купить душевное спокойствие. А подрастёт ещё немного — глядишь, и тело окрепнет, тогда и жить станет легче.

Сюй-гер тоже очень любил Чжун Ханя и, с улыбкой прищурившись, сказал:

— Верно, вы хорошо растите Хань-гера, он точно вырастет аккуратным и красивым. Когда придет время, найдете ему хорошую пару, и все заботы позади.

Затем он спросил, увели ли уже Фэн Бао в уезд. Чжун Мин ответил прямо:

— Пока нет. Старуха Ма устроила полный набор — слёзы, истерики, грозились повеситься, никто с ней сладить не может, а староста ещё и нерешительный. Хотя уже несколько семей начали шум поднимать, требуют насильно увезти его в уезд, заставить семью Фэн возместить прошлые убытки, да и самого Фэн Бао выгнать из Байшуйао.

Чжун Чунься одобрительно сказала:

— Правильно, гнать вон. Уж пусть Байшуйао и не рай, но раньше у нас таких подлецов, что воруют да гадят, не водилось. Если такого оставить, совсем репутацию испортим, потом и сосватать кого снаружи сложнее будет.

Все жёны и геры вокруг дружно поддержали: у кого нет детей? Рано или поздно всем придётся свататься, а свадьба — дело важное. Кто захочет, чтобы какая-то посторонняя дрянь всё испортила?

За дальнейшими разбирательствами Чжун Мин следить не захотел. Он и так знал: Фэн Бао теперь в любом случае не избежать порки, а остаться в Байшуйао ему не дадут. Как и говорил староста, такими делами он сам и должен заниматься — раньше ещё пытался сглаживать углы, теперь же, когда сгладить не получилось, вряд ли снова осмелится действовать несправедливо.

Перекинувшись парой слов, Чжун Мин повёл младшего брата обратно на лодку. Тан Дацянь ещё с утра ушёл к устью реки за водой и до сих пор не вернулся. Чжун Чунься отсчитала тридцать вэнь, добавила к ним десять вэнь от гера из семьи Сюй вместе с пустыми бутылками из-под масла и соевого соуса, попросила Чжун Мина по пути купить кунжутного масла и свежего соуса.

У людей воды нет полей — всё, что есть, берётся из моря. Даже пресную воду для питья и солону для плетения веревок приходилось покупать или менять на улов. В округе Цзююэ сажали много кунжута, деревенские чаще готовили на кунжутном масле: выделяли пару грядок, относили в маслобойню, выжимали масло. Если расходовать экономно, хватало на год. А у них на лодках — чуть что, купи, и цзинь масла стоит двадцать вэнь.

— Сегодня в Байшуйао беспокойно, — напомнила Чжун Чунься. — Ты пораньше съезди да пораньше возвращайся.

Чжун Мин кивнул, сложил улов, оставив дома двух лобстеров, чуть больше двух цзиней гребешков, несколько морских звёзд на собственный стол, после чего взвалил коромысло и сошёл с лодки.

Перевозка людей между деревнями и уездным центром по воде называлась хэншуйду — поперечная переправа. Лодки, занятые в этом деле, были с парусами, но без крыши, вмещали шесть-семь человек и звались тинцзы. Обычно такой работой занимались женщины или геры из водных деревень — чаще всего в семьях, где не было сыновей, родители копили полжизни, чтобы купить такую лодку и дать им опору. Поэтому среди них было немало тех, кто не уходил в чужую семью, а открыто объявлял о поиске зятя-чжусюя.

Чжун Мин, держа Чжун Ханя на руках, взошёл на одну из лодок. Её хозяйкой была Ни Умэй, которую в деревне Байшуйао чаще звали Ни-няоцзы, — бодрая и прямолинейная женщина. Ранее она была замужем в другой деревне, но брак не сложился, и она развелась и вернулась в родительский дом, зарабатывая теперь на жизнь переправами по воде.

— Давненько не видела Хань-гера, чего это ты сегодня решил его в уезд повезти? — спросила

она.

Когда на лодке набралось шесть человек и вся поклажа заняла почти всё немногочисленное место на судне, Ни Умэй перестала ждать, подняла якорь и, налегая на вёсла, оттолкнулась от берега.

— Простыл, покашливает, вот и повёз его к лекарю, пусть посмотрит. — Чжун Мин ответил коротко, без лишних слов, лишь крепче прижал брата к себе, чтобы тот не упал, и стал показывать ему виды по обеим сторонам.

Остальные пассажиры то и дело поглядывали на братьев, явно не в силах сдержать любопытства. Хотелось расспросить о деле с семьёй Фэн, но все побаивались наткнуться на гнев Чжун Мина, потому путь, хоть и шёл гладко, давался им с трудом — так и просидели с камнями на языках.

Перед самым сходом с лодки Чжун Мин отсчитал Ни Умэй десять вэнь. От Байшуйао до уезда Цинпу проезд стоил пять вэнь с человека. Чжун Хань был ещё мал, сидел у брата на руках и места не занимал — за него взяли три вэня. Но так как они везли ещё вёдра с уловом, корзины из бамбука и прочее, сверху начислили ещё два.

Пока Ни Умэй пересчитывала деньги, взгляд Чжун Мина зацепился за её серёжки: крошечные серебряные бусины не крупнее зёрнышка риса почти не бросались в глаза. Такие носили многие замужние женщины и геры в деревне Байшуйао. У людей воды было принято прокалывать уши детям уже в три-четыре года, и пока не вставишь серёжку, прокол мог зарости.

— Ни-няоцзы, ты свои серьги в ювелирной лавке в уезде купила? — спросил он вдруг, заставив Ни Умэй немного удивиться.

— Да, в серебряной лавке. А что, хочешь купить? — она быстро сообразила, зачем тот спрашивает, и с усмешкой приподняла бровь: — Кому-то собрался подарить? Девушке или геру?

Подобные серебряные бусинки стоили недорого, не чета серебряным шпилькам и заколкам: выглядели пристойно, дарить было не стыдно и карман не оттягивали.

Ни Умэй всегда любила поддразнивать в таком духе — многие, кто стеснителен, сразу краснели и замолкали. Но Чжун Мин, пожив уже одну жизнь, к подобным подколкам стал толстокожим и невозмутимым.

— Подарок, — ответил он, однако не уточнил, для девушки или гера.

Ни Умэй, поглядев на него, подумала, что этот парень в делах сердечных всё же малость

туповат, и не удержалась от совета:

— Слышала, ты ещё ни с кем не обручен. Это ты, значит, приглядел кого-то? Не обессудь, если сестра скажет прямо: такие украшения да побрякушки не годятся для праздных подарков. Если уж собрался дарить, значит, и впрямь неравнодушен.

Чжун Мин до этого и правда об этом не думал. Спросил он вовсе не потому, что хотел делать намёки или волновать чьи-то сердца, а лишь потому, что хотел чем-то отблагодарить Су И. А когда сам спросил, не подумал, что тот может воспринять это иначе.

Ранее он уже спрашивал Су И, что тому нужно, но тот ничего не сказал, да и от благодарности вовсе отказался. Сам Чжун Мин с герами дел особо не имел, что дарить — не знал. От Байшуйао до уезда Цинпу он всё ломал голову, так ничего и не придумал. А тут вдруг взгляд зацепился за бусинки в ушах Ни Умэй — и в голове мелькнула мысль: «Если такие серьги носил бы Су И, наверное, ему подошло бы». И вот, не подумав, спросил.

После слов Ни Умэй он и сам понял, что это не слишком уместно.

— Если ещё не до такой степени, а подарок всё же хочется сделать, чтоб понравиться человеку, — лучше подбери что-то полезное в быту: чего не хватает — то и добавь. А если и вовсе не знаешь, что нужно, так возьми угощение — сладости, фрукты. Сладко во рту, а значит и на сердце теплее. Тут уж точно не ошибёшься!

Чем дольше говорила она, тем живее сияли глаза.

— Скажи по правде, какой небожитель тебе голову закружил? В нашей деревне и так немало геров и девушек тобой грезит, как только ты женишься — боюсь, половина по ночам в подушку реветь будет.

— Да нет тут ничего такого, пощади, тётушка, — засмеялся он, видя, как разговор всё больше уходит в сторону, и, будто спасаясь бегством, вместе с младшим братом сошёл на берег.

— Свежайшие лобстеры, только что с моря — подходите, смотрите!

— Сладкие гребешки, мясистые, сочные! Хозяйка, возьмёте к ужину?

Заплатив сбор за торговлю, Чжун Мин выбрал место под тенью дерева и разложил товар. Брату подвинул ровный камень вместо табурета, а сам встал рядом, громко выкрикивая предложения.

Так как улов у него был действительно свежий, отборный, что по всей ярмарке лучше не сыщешь, а появлялся он здесь регулярно, то и имя его понемногу становилось известным у пристани. Теперь почти все, кто часто бывает на ярмарке у пристани, знали: в Байшуйао живёт

один молодой парень, ловкий и выносливый, умеет нырять на самое дно и будто у себя дома вылавливает оттуда всякую морскую живность.

Несколько владельцев ресторанов уже не раз закупались у него морепродуктами: готовили, подавали на стол — и продавали втридорога, ещё и выслушивая похвалы от гостей. Вкус к прибыли был осязателен, потому без особых уговоров каждый из них стал посылать своих работников караулить парня у пристани. Завидев Чжун Мина, тут же бросались к нему наперегонки, стараясь первыми урвать лучший товар, а кто опаздывал — мог только с досадой разворачиваться: и деньги есть, да купить нечего.

Некоторые рестораны даже предлагали ему заключить постоянную сделку — мол, носи товар только к нам. Но Чжун Мин всякий раз отказывался: говорил, что ныряет, когда придётся, и что найдёт — то и принесёт. Он был не из глупых. Сейчас за его улов несколько заведений едва не грызлись, и хоть цены он не задирает, зато точно знал — товар с руками оторвут. А вот если привязываться к одному месту, хозяева начнут привередничать, нос воротить — и в итоге что? Несёшь обратно к причалу, продаёшь за бесценок.

Сегодня первым успел подскочить подручный из ресторана «Бафан». Завидев полное ведро крупных лобстеров и гиреллу — здоровенную, добрых два цзиня весом, — он мигом помчался звать своего хозяина. Эти две диковины хоть и не были совсем уж редкостью, но и часто не встречались — особенно такие увесистые лобстеры. Гирелла по природе своей не вырастает особенно крупной — в среднем едва дотягивает до полутора цзиней, редко когда переваливает за два.

— Жаль, — протянул управляющий «Бафана» по фамилии Минь, — рыба-то мёртвая. А была бы живая — дал бы тебе на пять взней за цзинь больше.

Минь был весьма придирчив, глаз у него был цепкий, весы он всегда приносил с собой — проверять, не обманут ли с мерой. Но если товар его устраивал, а вес совпадал — платил щедро, без лишних торгов. Чжун Мину такой подход нравился, работать с этим управляющим было приятно.

— Она и правда была живая, — сдержанно ответил Чжун Мин, — просто по дороге случилось... — он вспомнил про Фэн Бао, не удержался, стиснул зубы. — Мёртвая — так мёртвая. Цена другая — это понятно. Хотите, я взвешу?

— Хочу, конечно. Мне не часто везёт первым тебя перехватить, — Минь усмехнулся. — В прошлый раз меня Синь обошёл.

Фамилия Синь принадлежала хозяину ресторана «Сыхай», заведению по соседству. Оба торговца нередко соревновались между собой — скорее из упрямства, чем из вражды. В глазах Чжун Мина их соперничество было пустяковым, но ни один не хотел уступать другому.

— Теперь он меня точно ругать будет, — пошутил Чжун Мин, вешая рыбу на весы. — Раз вам продал — ему уж не достанется.

— Синь — мужик упрямый, — сощурился Минь. — Если будет приставать — не стесняйся, зови меня.

Он внимательно следил за тем, как отклонилась стрелка. Вес был честный. Для надёжности велел своему подручному перепроверить на собственных весах. Цифры сошлись. Минь удовлетворённо кивнул и с готовностью распорядился рассчитаться.

Одна гирелла весила чуть больше двух цзиней — если бы была живой, за каждый цзинь можно было бы выручить тридцать вэней. Теперь же, раз мёртвая, только двадцать пять. В сумме за неё дали пятьдесят три.

Принесённых пятнадцать лобстеров Чжун Мин рассортировал по размеру: за пять самых мелких по сто вэней за штуку, за восемь средних по сто пятьдесят, за двух самых крупных — по двести и двести двадцать вэней. В итоге набралось два ляна, один цянь и сто двадцать вэней сверху.

— Два ляна, один цянь и семьдесят три вэня, — озвучил Чжун Мин, — три вэня округлю, — и, наклонившись, достал из корзины десяток гребешков. — Считайте, это в придачу.

Десять гребешков — вроде бы и мелочь, а приятно. Сделка вышла немалая, на целых два ляна серебра, стоит ли жалеть подношения. Сварить — и получится отличная закуска под выпивку, а досталась бесплатно — кто откажется?

Минь кивнул подручному, тот достал два гуаня мелких медных монет, положил в руки Чжун Мина. На рынке почти никто из мелких торговцев не носил при себе весы для серебра — покупать их было накладно, да и ни к чему. Всё шло медью, а лавочникам, если хотелось прикупить что-то подороже, приходилось тащить с собой изрядные мешки монет.

На прощание Минь ещё добавил:

— У меня в лавке есть старый завсегдатай, любит абалонов. Но берёт только тех, что со дна, не с поверхности. Главное — чтобы были живые, не обязательно крупные, но чтоб формой ровные, на тарелке красиво смотрелись. Если в следующий раз добудешь, я всё у тебя скуплю.

Абалон, живущий под водой, прикрепляется к рифам. Разница между «донным» и «поверхностным» видами лишь в глубине обитания, но на вкус — по крайней мере, по мнению Чжун Мина — никакой разницы. Видно, у истинных гурманов свои причуды.

Такой заказ Чжун Мин брался исполнять с охотой: что именно требуется, в каком количестве — всё обозначено чётко, не придётся потом пререкаться, когда товар уже перед носом.

— Это просто, — ответил он. — В следующий раз, как добуду, прямо в ваш ресторан принесу.

Минь кивнул, окликнул своего помощника и неторопливо удалился.

Лобстеры и гирелла были проданы, остались только гребешки. Он продал их нескольким покупателям по цене десять вэней за цзинь, выручив ещё чуть больше пятидесяти.

Как и ожидалось, к обеду дело подошло к концу. Чжун Мин сложил оставшиеся вещи в уголке, временно оставив их под присмотром знакомого торговца с соседнего лотка. Затянув пояса с тяжёлым мешочком монет за пазухой, он взял младшего брата за руку и первым делом направился в медицинский зал.

<http://bllate.org/book/13583/1204995>